

—...

—...

Они смотрели на расползающееся пятно на простыни. Оба молчали. Хмель окончательно выветрился из головы Юй Сьюаня. После нескольких секунд тишины он осторожно отстранился — и тут же всё хлынуло разом, заливая и без того перепачканный промежуток Цзи Яо ещё гуще. Потом потекло по ногам. Зрелище было непристойным — откровенно, бесстыдно порнографическим.

Юй Сьюань тихо сглотнул. Поднял совершенно расслабленного Цзи Яо на руки и понёс в ванную — отмывать. В другое время они непременно повалиться бы ещё немного, он бы поддразнил Цзи Яо, пошутил. Но сейчас...

Он не рисковал говорить. Полный, абсолютный трус.

Цзи Яо лежал с закрытыми глазами, за всё это время не издав ни звука, — лицо спокойное, отстранённое. Глядя на него, Юй Сьюань почти физически ощущал желание пасть на колени перед предками. Они молча помылись. Юй Сьюань перенёс его на свежую постель, хотел что-то объяснить — и не знал, как. Рот открывался и закрывался. В конце концов он просто молча притянул Цзи Яо к себе.

На душе у него творилось что-то сложное: немного вины, немного страха, немного не рассеявшейся ещё грусти. Но больше всего — тёмного, потаённого торжества.

Для мужчины нет ничего слаще, чем довести любимого до полного бесчувствия.

На самом деле Юй Сьюань вовсе не был нежным и бережным по природе. Внешне прямолинейный, внутри — тонкий; казался открытым и простым, а на уме держал не меньше грязных мыслей, чем любой другой. В постели он искренне получал удовольствие от того, чтобы партнёр был совершенно сломлен.

Но что поделать — он был влюблён в Цзи Яо. Заметно старше, он всегда смотрел на него немного сверху вниз, как на ребёнка, — и сам себе не давал воли, инстинктивно сдерживаясь. Цзи Яо знал только, что у него хорошо получается; понятия не имел о том, какой арсенал Юй Сьюань так ни разу на нём и не применил.

Сегодня клетка наконец открылась. Тигр вышел на волю — и наелся всласть.

... Но прямо сейчас нужно было как-то задобрить Цзи Яо.

Господи, что делать. Он правда нервничал.

Что касается самого Цзи Яо...

... Цзи Яо был несколько не сердит. Он, честно говоря, всё ещё смаковал только что пережитое. Юй Сьюань слишком высоко оценивал его самолюбие. Трюки, приёмы — главное, что было хорошо. При чём тут вообще лицо?

Но видеть Юй Сьюаня в таком состоянии было забавно. Цзи Яо тихо наслаждался этим ещё немного — и лишь потом неторопливо произнёс:

— Юй Сьюань.

Того немедленно скрутило. Это полное имя, произнесённое вот так — медленно, без интонации — мгновенно вернуло детский ужас: тебя поймали за проступком, и родители смотрят в упор.

Юй Сьюань наклонил голову — они оказались лицом к лицу. Красивые глаза, не мигая, смотрели на Цзи Яо с таким чувством, будто он собирался взять его в осаду собственной красотой.

Цзи Яо смотрел в ответ — холодно, равнодушно.

(Внутри этот жалкий эстет рассыпался фейерверком. Снаружи — лёд. Этому он выучился у Цзян Цютуна.)

Когда стало очевидно, что Юй Сьюань вот-вот сломается, Цзи Яо милостиво хмыкнул и покосился на него:

— Хочешь, чтобы я тебя простил?

Юй Сьюань закивал — яростно, как большая собака, готовая на всё ради косточки.

Цзи Яо холодно усмехнулся:

— Тогда расскажи мне про шрамы.

Он действительно не был из тех, кто роет до последнего. За всё время ни разу не расспрашивал Юй Сьюаня сам. Но даже тупицы хватает на один день — стало ясно: тот намеренно уходил от этой темы.

Человек такое существо: пока тебе всё протягивают на блюдечке — неинтересно. Стоит кому-

то начать скрывать — и ты непременно хочешь знать.

Именно так Цзи Яо и обстояло.

Да, он был мелочным — он думал об этом без тени смущения. У всех свои маленькие слабости.

Юй Сьюань замолчал.

Цзи Яо посмотрел на него и отмахнулся:

— Не хочешь — не говори. Извини, что спросил.

Он произнёс это искренне — действительно почувствовал, что перешёл границу, и на самом деле собирался отступить. Но именно этого Юй Сьюань и боялся больше всего: этой небрежной, бескровной капитуляции. Он так долго ждал, пока Цзи Яо проявит к нему хоть какой-то интерес. Оттолкнуть его сейчас — не самоуничтожение ли это?

Помолчав, он сказал, невнятно:

— Да в общем-то ничего особенного. Меня побили.

На его спине тянулись пересекающиеся шрамы — неглубокие, но давние. Видно было, что прошли годы — и всё равно легко представлялось, как это выглядело тогда.

Цзи Яо удивлённо приподнял бровь:

— Не ожидал. Значит, тебе нравится такое.

Шрамы напоминали следы ремня. Насколько же Юй Сьюань был диким в молодости — SM, с таким количеством отметин, спина, должно быть, была в клочья.

Юй Сьюань усмехнулся несмотря ни на что, притянул Цзи Яо поближе, положил подбородок ему на макушку и подбирал слова:

— Это отец... Когда я вышел из шкафа, он рехнулся от злости и...

Цзи Яо вытаращил глаза.

Он ещё не знал, что пожилой мужчина на скамейке, которого он видел днём, и был отцом Юй Сьюаня. Но в его представлении родители Юй Сьюаня всегда были людьми широких взглядов

— сын открыто жил своей жизнью, и никто ему не мешал. Цзи Яо втайне завидовал этому не раз: если бы и его родители были такими... И вот Юй Сьюань говорит, что всё было совсем не так. Что его избили. Сильно.

Только что Цзи Яо думал о шрамах и прикидывал, что спина, наверное, была в клочья — теперь, примеряя это на себя, он ощутил, как что-то тяжёлое оседает в груди. Он вовсе не был таким уж равнодушным к мысли о том, чтобы всю жизнь прятаться.

Юй Сьюань именно потому и молчал — боялся напугать его, ещё сильнее отбить желание выходить из шкафа. Да и воспоминание было нехорошим. Глядя на лицо Цзи Яо, он поспешил добавить:

— Хотя я тогда и сам вёл себя по-дурацки. Слишком горячился.

Цзи Яо поднял голову:

— Как это?

Юй Сьюань медленно водил ладонью по его гладкой спине — как гладят кошку против шерсти, потом по шерсти:

— Когда я вышел из шкафа, мне было примерно столько же, сколько тебе. Третий курс...

Строго говоря, он не был чистым геем — женщины тоже могли его возбудить. Просто мужчины нравились больше.

В средней школе он понял, что его влечения отличаются от большинства — но ничего с этим делать не собирался. Раз и так, и так возможно, лучше не трогать запретное.

Беда была в том, что он уехал за границу. В Сан-Франциско.

В городе, где гей-парады устраивают чуть не каждую неделю. Без родителей за спиной. Было почти невозможно не попробовать — не ощутить, каково это: жить так, как хочется. Он оставил в том городе бесчисленное количество первых разов.

Первый поцелуй. Первый поцелуй с мужчиной. Первый секс. Первый секс с мужчиной. Первые отношения. Первые отношения с мужчиной. Первый бар. Первый гей-бар.

Постепенно он обнаружил, что женщины перестали его интересовать совсем. Рассказал об этом знакомому бармену — тот радостно поставил ему водку:

— Поздравляю, ты стал настоящим геем!

Беззаботная жизнь продолжалась до университета. Родители хотели, чтобы он остался в Америке и женился на местной китаянке. На третьем курсе начались знакомства — все девушки были американскими китаянками, семьи с деловыми связями, подходящий круг.

Юй Сьюань задыхался. Его беспокойное сердце посадили в клетку. Каждый раз, когда он представлял, что проживёт всю жизнь с женщиной, его охватывало что-то похожее на панику. После того как рассыпалось пятое знакомство, он наконец не выдержал — позвонил родителям и выложил всё.

Отец немедленно заблокировал его карту. Мать, не дав опомниться, прилетела в Америку, быстро оформила академический отпуск и привезла его домой.

Он едва переступил порог — ещё дорожный, не успевший отдышаться — как отец встретил его с ремнём и потребовал объяснить, что всё это значит.

Юй Сьюань взглянул на ремень. Ничего не сказал. Закусил губу и опустил на колени — смысл был очевиден: хочешь бить — бей. Я не отступлюсь.

Отца захлестнула ярость. Он бил не жалея:

— Ты виноват или нет! Виноват или нет! Мой сын оказался педерастом! Не надо было отправлять тебя в Америку! Это они тебя испортили!

У Юй Сьюаня перед глазами плыло от боли. Унижение и лютая, почти неназываемая ненависть заполнили его до краёв. Он напряг шею и заорал в ответ:

— Я ничего не сделал! Разве я сам это выбирал! Я не воровал, не грабил — так за что меня обвинять! В чём я виноват!

Отец стоял, трясясь от гнева:

— Убью тебя, неблагодарная тварь!

Юй Сьюань кипел. А сердце было холодным как лёд:

— Бей! Не убьёшь — плевать мне на тебя!

Тот день был страшным и хаотичным. Юй Сьюань был избит до крови — пятна расплывались сквозь ткань одна за другой. Мать рыдала, прижимаясь к нему. Отец едва держался на ногах,

привалившись к стене — ещё немного, и insult. В конце концов его старшая сестра, Цзян Чуньшуй, получила звонок от Цзян Цютуна и прилетела, чтобы всё остановить.

Родители были людьми гордыми — привезли Юй Сяюаня тайком, не говоря никому из родни. Но Цзян Цютун как раз заканчивал докторантуру в Америке — от его города до Юй Сяюаня езды было час с небольшим. Он приехал навестить, почуял неладное и тут же позвонил сестре. Это дало отцу возможность отступить с достоинством.

Как только вмешались брат с сестрой Цзян, удержать это в тайне стало невозможно. Вся родня встала на дыбы. Старшее поколение осудило единогласно; молодые отмолчались — ни туда ни сюда. Цзян Цютун, изучавший психологию, консультировался со своим научным руководителем насчёт гомосексуальности и хотел заступиться за Юй Сяюаня — но его собственная мать тут же заподозрила, не случилось ли между ним и двоюродным братом чего лишнего.

Юй Сяюань провёл месяц взаперти в этом наэлектризованном хаосе. Травмы были внешние, но серьёзные — воспалились, едва не перешли в пневмонию, давали рецидивы до сих пор. Прежде чем он успел обдумать следующий шаг, Цзян Цютун передал ему слова: родители собираются забрать его из университета и отправить в армию.

Юй Сяюань едва не рухнул. Они с родителями устроили последний грандиозный скандал. Он сказал, что уходит. Отец пообещал переломать ему ноги. Юй Сяюань засмеялся — зло, сухо:

— Не беспокойтесь.

Огляделся, глаза горят. Нашёл тумбу под телевизор. Поставил табурет. Сел. Вытянул длинную ногу — и резко ударил.

Глухой треск. Мать закричала, срываясь в истерику.

Боль была запредельной. А в груди — ненависть и что-то похожее на мрачное торжество. Он посмотрел на остолебеневшего отца и спросил: вторую ногу тоже переломить, или сам справится — не будет мараить папины руки.

Его отвезли в больницу. Мать не выпускала его руки и не переставала плакать. Набежала вся родня. Никто не осмелился сказать ничего резкого. Только Цзян Чуньшуй, примчавшись, с порога вlepила ему две пощёчины.

Юй Сяюань опешил. После всего пережитого он был набит злостью под завязку. Уставился на неё:

— Ты какого чёрта меня бьёшь!

Цзян Чуньшуй усмехнулась в ярости:

— Именно тебя и бью. Неблагодарная скотина.

Юй Сяюань вдруг почувствовал что-то похожее на обиду:

— И ты туда же?

— Поделом тебе, — произнёс голос от двери.

Цзян Цютун только что сдал диссертацию. Прилетел из Америки с дороги, ещё не отошедший. Услышал реплику Юй Сяюаня — и вошёл, оглядев его холодными глазами.

Юй Сяюань мгновенно сдулся.

Родители всегда были заняты. В детстве с ним возились именно брат с сестрой Цзян, а в Америке его, по сути, передали под опеку Цзян Цютуна. По сравнению с отцом, который при каждом удобном случае грозился убить, Цзян Цютун занимал в жизни Юй Сяюаня совсем другое место.

Почти как Чжан Хэ у Цзи Яо — у каждого неуправляемого ребёнка рядом обязательно находился кто-то, кто держал его в узде.

Война за право быть собой растянулась на год. Пять госпитализаций. Все карты заблокированы. Вся родня, до последнего человека, разделилась и встала по своим лагерям. Цзян Цютун — самый близкий Юй Сяюаню человек — снова и снова оказывался в эпицентре. Кончилось всё тем, что Юй Сяюань ушёл из дома и почти год не давал о себе знать.

Родители наконец сдались.

— Смешнее всего было то, что половина родни решила, будто у меня с братом что-то есть. Мы с детства были не разлей вода — я ехал в Америку в старшую школу, он — в университет, потом на магистратуру и докторантуру, жили близко, и оба с сестрой открыто меня поддерживали... Вот они и решили. Это брата так замотало, что сразу после PhD он женился — в темпе.

Цзи Яо прыснул:

— Может, он правда был в тебя тайно влюблён? Всё носил в себе, молчал... ха-ха-ха-ха...

Юй Сяюань щёлкнул его по лбу:

— Мой брат — стальной натурал. Исключено.

Это напомнило Цзи Яо о Чжан Хэ. Он кивнул — с полным пониманием.

Видимо, прорвало. Юй Сьюань говорил ещё долго — как сбежал, без гроша, как добирался, как боялся ехать с документами и быть найденным, как ночевал где придётся...

— Тогда второе поколение удостоверений ещё не везде ввели, кое-где проверяли кое-как. Говорили, в Чунцин геев много — я и рванул туда, без билета. Чтобы сэкономить, снял угол в бараке под снос. Сначала вообще не было работы — раздавал листовки за сорок юаней в день... Однажды проходил мимо пельменной, там свежие пирожки с мясом по юаню. Стоял и едва не пускал слюни. Купил в итоге два простых паровых пирожка — потому что они были дешевле... Вот то время было...

Он замолчал. На лице — лёгкая, тихая улыбка. Покачал головой.

Цзи Яо смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых горело что-то живое. Спросил:

— Ты выдержал?

Юй Сьюань знал Цзи Яо всегда собранным — обкатанным, ловким в общении, по-взрослому проницательным, совсем не похожим на двадцатилетнего. Но сейчас тот смотрел на него вот так — с открытым изумлением, не скрывая ничего — и впервые выглядел ровесником своего возраста.

Юй Сьюань обожал его таким. Прижал к себе, поцеловал дважды в макушку и только потом сказал:

— Если не выдержишь — всё равно выдержишь. Дашь слабину — и уже никогда не сможешь стоять перед ними прямо.

— Даже если бы тогда они пожалели меня и уступили под давлением — со временем попробовали бы снова. Начали бы устраивать знакомства. Давить насчёт детей...

—... Если бы я не дал понять, что скорее умру на улице — они бы никогда не смирились.

Цзи Яо тихо произнёс «а-а» — и лицо его немного побелело. Он через силу улыбнулся:

— Звучит как война с классовым врагом.

Юй Сьюань покачал головой:

— Оглядываясь назад — да, я перегибал. Дурил. Но не жалею. Я был взрослым. Мне просто хотелось права выбирать свою жизнь.

Цзи Яо смотрел на него.

Юй Сьюань засмеялся негромко:

— Что за взгляд?

Цзи Яо моргнул — в глазах появилось что-то по-детски покорное:

— Вдруг подумал, что ты очень красивый.

Методы, может, и были жёсткими. Но мужчина, который решается бороться и не сдаётся, — такого Цзи Яо не мог не уважать, как бы ни был устроен.

Юй Сьюань смотрел на него, голос чуть приглушённый:

— А не хочешь попробовать сам?

Цзи Яо помолчал. Потом покачал головой. Честно:

— Боюсь.

Юй Сьюань поцеловал его — медленно, нежно — и тихо засмеялся:

— Знаешь, тогда многие думали, что мне вообще незачем было выходить из шкафа. Нет парня, с женщинами в принципе всё в порядке, молодой, никто особо не давит — можно было тянуть ещё долго. Если уж совсем без совести — можно было сначала с кем-то пожениться, родить ребёнка, потом развестись. Никто бы и слова не сказал.

— Но я не хотел. Зачем делать несчастным другого человека — и заодно себя? Не из каких-то высоких соображений. Просто — мужчина, который даже за собственную жизнь не готов стоять, ладно. Но ещё и тащить другого на дно как балласт — это уже совсем бесхребетно.

— Яояо. — Он смотрел на него, глаза тёплые и глубокие — в них было что-то похожее на звёздный свет. — Человек живёт не только для себя. Ты будешь нести много всего. Отвечать за людей, за поступки, за выборы. Что-то окажется тяжёлым — так тяжёлым, что захочется сбросить. Но нести это должен ты. Не кто-то другой вместо тебя.

Цзи Яо замер. Долго смотрел на Юй Сьюаня — не говоря ничего.

Издадека вдруг поплыл колокольный звон. За окном в ночи расцвели фейерверки.

В лунном свете они смотрели друг на друга — на лица, знакомые и в эту минуту ставшие чуть другими.

Что-то тихо шевельнулось в груди у Цзи Яо. Он потянулся вперёд и коснулся губами щеки Юй Сьюаня.

— Сьюань. С Новым годом.

<http://bllate.org/book/20554/2145971>